

БЫТЬ ВМЕСТЕ В РАЗНЫХ СТРАНАХ

Мнение, что за профессиональный успех женщина расплачивается личной жизнью, — выдумка мужчин и неудачниц. Ольга Свиблова — директор Московского дома фотографии, куратор выставок современного искусства, дама французского и кавалер российского орденов — феноменально деятельна, умна, проницательна, элегантна и популярна. Она умеет виртуозно решать великое множество для других неразрешимых творческих, финансовых, организационных и светских задач, причем одновременно. Такая женщина не может быть одинокой. Муж Ольги Свибловой — французский бизнесмен Оливье Моран

— Я много раз наблюдала, как вы в разгар вернисажа, рабочего обсуждения или светского разговора отзывались на звонок мобильного телефона, мгновенно преображались и неизменно нежно, растягивая гласные, произносили в трубку: «Chéri!»

— Значит, звонил Оливье.

— Другая привычная картина: большой вернисаж, туча зрителей, бомонд, знаменитые фотографы, несколько телекамер, вы всем улыбаетесь, сердечно болтаете со знакомыми, отдаете рабочие распоряжения, переходите от одной камере к другой, даете интервью. И на вас издали, молча улыбаясь, смотрит высокий представительный джентльмен. Явно любуюсь, явно довольный и гордый вами.

— Да? Оливье так смотрит?

— Ручаюсь. Те, кто вас знает, работает с вами, давно привыкли к Оливье. Но как же вы с ним встретились, кто вас познакомил? Расскажите.

— Это было в 1991 году. Я приехала в Париж, снимала тогда «В поисках счастливого конца». (Свиблова сняла пять документальных фильмов, все награждены международными премиями. «В поисках счастливого конца» — о сложных взаимоотношениях искусства и жизни. — О. О.) Я встретила там с художником Николой Овчинниковым, мы давно дружили и работали вместе, и он сказал, что вот мы сейчас пойдем

в одно интересное место, где у него мастерская. Мы шли долгой дорогой, главным ориентиром была клумба с русскими березками. И вот остановились перед железной дверью с надписью а-ля Родченко: La Base. За дверью было необыкновенное, чистое, светлое, поразившее меня пространство, в которое я сразу влюбилась. Позже появился человек, который эту «базу» построил и заселил художниками и выставками. На малюсенькой кухне он мгновенно приготовил обед на огромную банду, предельно простой и самый вкусный, который я когда-либо ела. Я подумала: так и должен быть устроен мир: просто, ясно и легко. Я мгновенно влюбилась в этого человека — грустного, доброго, молчаливого. Его звали Оливье Моран.

— И вы стали с этим человеком встречаться?

— Как и приглашенным художникам, искусствоведам, кинематографистам, Оливье предложил мне поселиться на La Base, в одном из его бутиков. Там было просто и уютно, там каждая вещь имела душу, и все было перемешано — естественно и тепло. Антикварное кресло соседствовало со столиком, сделанным Оливье из отходов, найденных на помойке или на блошином рынке; фарфоровая чашечка прекрасно стояла на блюде из «Икеи». Все вместе это организовывало тебя самого. Я там эффективно работала и даже по утрам начала делать зарядку. Оливье предложил совместный

проект — создание в Москве французского центра современного искусства. Планы будущего пространства делал он. А мне надо было найти место и укоренить проект в Москве. Так прошел год.

— **Ну он, как говорится, ухаживал — оказывал знаки внимания, делал подарки?**

— Однажды в Париже, когда мне показалось, что он особенно грустный, я подарила ему шоколад, а Оливье мне — факс. Это был его первый подарок. И вот по этому факсу он посылал мне в Москву смешные рисунки. Я тогда не писала по-французски и отвечала ему тоже рисунками. Когда наш проект в Москве был практически готов и осталось подписать контракт, Оливье сделал мне предложение. В машине, по пути на встречу, где должна была быть поставлена последняя подпись. В этот момент мы отказались от идеи, на которую был потрачен год, так как она означала, что я должна буду жить в Москве, а он — в Париже. Ну а потом мы пять лет ждали его развода.

— **И вашего?**

— Нет, к тому времени мой формальный развод уже давно состоялся, но в 1991-м я окончательно освободилась от наваждения прошлого.

— **Одно дело — жить во Франции самостоятельной женщиной, другое — стать женой француза. Надо по-новому себя вести, понимать — как именно.**

— Это правда, я всему училась заново, пытаюсь овладеть кодами новой культуры — художественной и бытовой, новым стилем общения, понять язык изнутри.

— **Но вы же свободно говорите по-французски.**

— Слова не главное. Важнее то, что стоит за ними. Во Франции все построено на истории и прежде всего на семейных связях, там все и всё кровно связаны друг с другом. Вот ваша прапрабабушка в 1888 году встречалась с кузеном моего троюродного прадедушки, и это важно: настоящее и прошлое всегда вытекает из истории. Там, знаете ли, не смеются над собой — там смеются над бельгийцами. Несмотря на то что я говорю по-французски, я часто не понимаю, о чем говорят настоящие интеллигентные, хорошо воспитанные французы. Франция очень много мне дала, многому научила, подарила друзей и опыт, но главное — я стала чувствовать грань, когда кончается мое понимание и когда меня уже не понимают. И эту грань никогда не удастся перейти. Это красивый, самодостаточный мир, где никто в вас не нуждается, ваше вмешательство в их жизнь не требуется.

— **Это задевает?**

— Вы не должны воспринимать такое положение как знак дискриминации. Да, тебя пожалеют, полюбят, если ты слабый, а на равных общаться, скорее всего, не будут. Этот мир не только не требовал,

Фото: Павел Смертин/Коммерсантъ

но и не предполагал моего вторжения. Можно сделать чудесный проект, а можно не делать ничего, и тогда выбор круассана к утреннему кофе становится важным и смыслообразующим занятием. Мне же нужно, чтобы в каждый момент моя деятельность имела смысл для меня и для других, даже если этот смысл — иллюзия. В России каждый твой проект что-то меняет. Это страсть, борьба, отчаяние, но результат, если он получается, дает силы жить дальше. Я мыслю глобально, а для Оливье

счастье — в деталях. Я мыслю словами, а он — глазами. Однажды у дома на набережной, в проливной дождь, на асфальте он нашел крохотную картину маслом. Великолепную. До нас эту лужу перешагнули десятки человек, я тоже, и только он заметил шедевр. Оливье легче жить во Франции. Да, он любит Россию, приезжает сюда несколько раз в месяц, но он никогда не смог бы остаться здесь навечно. Я люблю Францию, обожаю в нее возвращаться, но никогда не могла бы остаться там насовсем. Я много раз говорила Оливье, что если он прикажет, то я буду жить с ним, не стану уезжать. Но он отвечал: «Я хочу, чтобы ты всегда была счастлива». Это негласное разрешение жить и работать в Москве. Так мы научились быть вместе в разных странах.

— **Говорят, что он давал свои деньги на ваши выставки.**

— За семнадцать лет мы никогда не обсуждали материальные проблемы. Оливье очень помогал мне на первых фестивалях и в первые годы работы музея. Во время кризиса 1998 года он хотел купить нам квартиру в Москве, а вместо этого закрыл долги музея. У нас отдельный брачный контракт, у каждого свой счет. Когда я пользуюсь его банковской карточкой, мне никогда не задают вопросов. Зато я сама себе задаю много вопросов, прежде чем ею воспользоваться. Я никогда не знала роскоши, у меня не было опыта и привычки к деньгам, они всегда были чем-то не важным. Во Франции я научилась тратить их сознательно, рационально. Это очень помогает мне в делах.

— **А бытовые привычки мешают?**

— Это не главное. Что из того, что мне надо на Новый год пить шампанское, ликовать и загадывать желание, а ему — есть рыбный суп?

— **И он его готовит?**

— Оливье умеет и любит готовить. Я тоже люблю готовить. Он тоже умеет и любит делать выставки. Но мы разделили обязанности. Он отдал мне искусство, а я ему — кулинарию и все обустройство дома. Так мы оба лишили друг друга удовольствия.

— **Много лет я получаю от вас новогоднее поздравление, написанное от руки, со словами только мне адресованными. Представляю, сколько у вас адресатов и сколько сил на это уходит. Зачем?**

— Знаете, каждый раз перед сном я думаю... нет, не о делах, о них я думаю по утрам, а ночью я вспоминаю о людях, которых видела сегодня и что-то хорошее, особенное им не сказала, хотя хотела. Чем жестче наша жизнь, тем больше мы ощущаем дефицит тепла. А Новый год — это время, когда можно обо всех вспомнить, сказать то, что не могли или не успели. Ты пишешь благодарность за конкретные дела, слова, эмоции, которые люди тебе подарили. В конце концов, за время и внимание, которое они тебе уделили, то есть за самое дорогое, на что нет времени и сил. Писать можно только от руки. Эту благодарность, которая держит каждого из нас на плаву, иногда трудно сформулировать, но написать ее можно только самому, своей рукой. Я люблю тонкие, но весомые черные шариковые ручки, которые пишут мягко, но отчетливо. Наверное, перьевые были бы лучше, но я ими пачкаюсь, теряю их. А к ним привыкаешь, терять жалко. Я ручками, которые мне нравятся, не пишу: они просто у меня лежат, и мне от этого хорошо. Но потом они все равно почему-то теряются.

Беседовала Ольга Орешкина. Фотографии предоставлены Московским домом фотографии

Pen World

ЖУРНАЛ О МИРЕ ПИСЬМА ДЛЯ ЦЕНИТЕЛЕЙ РОСКОШИ

Эти и другие материалы журнала «Мир Ручек»
Вы можете найти на сайте www.ElitePen.ru

Copyright © ООО «Мир Ручек»

Все права на материалы охраняются в соответствии с законодательством РФ.
Любое использование возможно только с письменного разрешения правообладателя.